

бѣдности и всякихъ нуждъ. Посмотрите, почему Иисусъ Христосъ сжалился надъ народомъ въ пустынѣ и совершилъ чудо насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ народа? Потому что народъ долго находился при Немъ, чтобы послушать Его и поучиться отъ Него путямъ спасенія.

Такъ и всегда: благословеніе Божіе будетъ почивать на тѣхъ, кто одушевленъ тѣмъ же духомъ, какъ и народъ, бывший со Христомъ въ пустынѣ. Но благословеніе Божіе удаляется отъ людей, коль скоро не этотъ духъ дышитъ среди нихъ, и когда многіе дерзко заявляютъ, что не нуждаются въ небесномъ Хлѣбодателѣ...

Эти мысли да послужатъ вамъ, слушатели, къ примиренію съ неравенствомъ въ распредѣленіи земныхъ благъ между людьми и убѣжденію, что въ этомъ, повидному, жестокомъ опредѣленіи или точнѣ допущеніи Божіемъ скрывается мудрость и благость Божія, и что вѣчно истинно слово: *Онъ добръ все творитъ* (Мар. 7, 37). Аминь.

Впечатлѣнія Успенскаго острова.

Вотъ, опять Волховская станція. Опять за носильщикомъ съ вещами спускаешься къ берегу Волхова, къ пароходу, стоящему съ разведенными парами. Опять парходные свистки, и снова, прорѣзывая гладь рѣки, завернулъ и двинулся впередъ стальной корпусъ, заходили кругомъ холодныя волны, потянулись суровые, однообразные берега. Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія и остановокъ у разныхъ пристаней, за заворотомъ открывается среди рѣки возвышающаяся надъ нею земля со зданіями, церковью, колокольнею: Успенскій островъ. И, когда пароходъ, умѣряя скорость, плыветъ

вдоль него: кажется, пѣлый маленькій, нарядный городокъ встаетъ изъ воды. Но, только что вы вступили на пристань, невольное чувство пустоты, тоскливости, смущенія охватываетъ васъ: нѣтъ на Успенскомъ островѣ теперь главнаго, что влекло сюда: создателя его, отца Алексія.

Куда ни помотришь, куда ни пойдешь: вездѣ ярко, живо вспоминается все онъ и онъ. Подъѣзжая къ пристани, среди вышедшаго на сигнальный свистокъ народа невольно ищешь глазами знакомаго среброкудраго старца съ черными горящими глазами, ожидающаго гостей съ видомъ величайшаго радунія. Или слово видишь его, подъѣзжающаго наканунѣ Успенія на пароходѣ изъ Петербурга, сходящаго на берегъ со свѣтлымъ лицомъ, радостною улыбкою и внимательно, сердечно благословляющаго жителей острова, высыпавшихъ къ нему на встрѣчу въ полномъ составѣ. На площадкѣ предъ «большимъ домомъ», которая еще доселѣ часто бываетъ сплошь покрыта сталью голубей, такъ и видишь его безъ шляпы, въ бѣломъ подрясникѣ, съ глубокою уемистой чашкой, полной зерна, которое онъ бросаетъ заполонившимъ его со всѣхъ сторонъ голубямъ. Такъ и ждешь, что онъ покажется гдѣ-нибудь на высокихъ лѣсахъ недостроеннаго еще трехъ-этажнаго дома. Особенно же вспоминается онъ въ церкви.

Вотъ эта протянувшаяся лентой съ востока на западъ, узкая, соединенная съ «большимъ домомъ» церковъ. Какъ въ ней тепло, какъ живо чувствуется въ ней святынн! У одной изъ стѣнъ, во славъ, въ великолѣпномъ плотѣ, крытая многоцѣпною, сверкающею самоцвѣтными камнями ризою, стоитъ большая Иверская икона Богоматери. Она написана была на Афонѣ и была келейною иконою Анны Ивановны Скворцовой, про-

исходившей изъ стариннаго дворянскаго рода Шабельскихъ. Жизнь ея была великимъ подвигомъ. Выданная помимо желанія замужъ, Анна Ивановна, повидимому, просила у Бога послать ей болѣзнь, и у нея начался мучительнѣйшій недугъ, много лѣтъ державшій ее распростертою и недвижимою. Во всякомъ случай, заболѣвъ, она просила Бога уже не выздоравливать. Въ такомъ положеніи она проходила высоко подвижническую живнь, благотворила, молилась. О. Алексій ее ежедневно исповѣдовалъ. Она молила Пресвятую Дѣву явиться ей въ часъ смерти. И молитва ея была услышана. Знвшіе Анну Ивановну сохраняютъ вѣру въ угодность ея Богу, и исцѣленіе явленіемъ ея одной безнадежно большой подтверждаетъ эту вѣру. Сейчас же у подножія иконы лежитъ бѣлый мраморный памятникъ, съ выбитыми на немъ золотыми словами. Подъ этимъ памятникомъ покоится многолѣтняя вольная страдальца и праведница Анна Ивановна. Въ ногахъ образъ: сіяющій свѣтомъ Христосъ воскресъ изъ гроба и стоитъ еще въ пещерѣ. Ангелъ держитъ розовое знамя. И невольно шепчешь: для такихъ людей, какъ она, «гдѣ, ти, смерти, жало, гдѣ, ти, аде, побѣда?»!

По другой сторонѣ расположенъ громаднѣйшихъ размѣровъ, отъ самаго пола до потолка, Старорусскій образъ Богоматери, производящій сильное впечатлѣніе. Онъ — послѣдняя работа одного иконописца. Привезя его на островъ и поставивъ здѣсь, иконописецъ вернулся въ Петербургъ и чрезъ три недѣли умеръ. Помѣстительный клиросъ предъ южными дверями алтаря весь закрытъ рядомъ богато украшенныхъ иконъ. Вотъ Николай Чудотворецъ; вотъ кроткій, прекрасный ликъ великомученика и цѣлителя Пантелеимона, держащаго въ рукахъ свой лѣкарствен-

ный ковчегъ. Къ этому образу, заключающему въ себѣ часть мощей великомученика, имѣютъ большую вѣру окрестные крестьяне.

Вотъ, на аналоѣ, образъ святителя Тихона съ частью мощей его въ медальонѣ. Аналоѣ стоитъ предъ приделомъ во имя этого святителя. Вотъ небольшой, но великолѣпный образъ Георгія Побѣдоносца на бѣломъ конѣ, поражающаго дракона, поднесенный о. Алексію.

Сбоку двѣ какъ бы комнаты, соединенныя съ церковью арками. Дѣйствительно, прежде, это и были жилища комнаты, впоследствии присоединенныя къ церкви. Въ одной, гдѣ идетъ продажа свѣчъ и просфоръ, прекрасный, большихъ размѣровъ, нерукотворенный образъ Спасителя и картина, изображающая Богоматерь, вернувшуюся съ Голгофы въ домъ Іоанна. На столѣ лежитъ окровавленный терновый вѣнецъ, и Богоматерь, сломленная непосильнымъ горемъ, скорбно глядитъ на него. Во второй комнатѣ — помѣщается ризница. Здѣсь большой образъ святителя Спиридона, держащаго въ рукѣ кирпичъ, изъ котораго исходитъ огонь и вода: память о чудѣ его, сотворенномъ на вселенскомъ соборѣ, когда онъ изъяснилъ догматъ о трехъ лицахъ Божества подобіемъ кирпича, по его слову раздѣлившася въ его рукахъ на огонь, воду и глину. Этого святого батюшка призывалъ какъ помощника въ трудностяхъ житейскихъ, ибо святитель при жизни отличался особымъ милосердіемъ. Большой шкапъ ризницы поверху очень оригинально украшенъ: въ деревянныхъ фестонахъ вставлены фарфоровыя яйца съ изображенными на нихъ святыми — все подарки батюшкѣ отъ Августѣйшихъ особъ. Иконостасъ низкій, такъ какъ и храмъ низокъ, — въ одинъ—два ряда, рѣзной, съ иконами прекрасной живописи.

Вотъ на второй, справа, изображенъ бѣлый одръ, обставленный свѣчами, окруженный апостолами; на немъ, сложивъ руки, Пречистая; храмовая икона Успенія. На боковой стѣнѣ многовѣковъ образъ Спаса Нерукотвореннаго, принадлежавшій одной новгородѣ и столь чтимый, что въ концѣ XVIII в., когда въ Новгородѣ бывалъ свѣтлой памяти митрополитъ Гавріилъ (Петровъ), подвижникъ, покровитель монашества, онъ прѣзжалъ подъ 16-е августа служить всенощную, гдѣ стояла икона. Она была въ пожарѣ найдена неогорѣвшей. Въ куполѣ изображены во кругъ Христа 7 серафимовъ.

Войдемъ въ алтарь. Какое особое величіе и красота, сколько теплоты было въ алтаряхъ, устроенныхъ о. Алексіемъ! Великолѣпный бѣло-мраморный жертвенникъ, съ надписью золотыми буквами на передней сторонѣ: «Жрется агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, за мірскій животь и спасеніе». Бѣло-мраморный престолъ, съ верхней доской, поддерживаемою по угламъ мраморными головками херувимовъ. Прямо противъ престола большой образъ Пресвятой Троицы. Надъ престоломъ на потолокъ Всевидящее Око.

Еще лучше, кажется, Тихоновскій алтарь, смежный съ Успенскимъ. На престолѣ доска цвѣтнаго мрамора, а четыре стѣнки—металлическія, съ выпуклыми изображеніями страстей Христовыхъ, и со всѣхъ четырехъ сторонъ толстыя стекла. По стѣнѣ громадная торжественная икона. На престолѣ возсѣла Царица Небесная, окруженная святыми церкви. Вотъ, около нея колѣнопреклоненный святитель съ чашей въ рукахъ, Іоаннъ Богословъ съ орломъ, вотъ знакомые лики Николая Чудотворца, Александра Невскаго, равноапостольной Нины и многихъ другихъ. А тамъ въ пещѣ Отецъ, Сынъ и Духъ, окруженные ветхозавѣтными пророками.

И среди этой знакомой обстановки какъ живой встаетъ создавшій ее о. Алексій. Я вижу его предъ собой, вдохновеннаго, преображеннаго молитвой, вижу въ разныхъ положеніяхъ.

Вотъ онъ послѣ исповѣди, какъ «кошъ» надъ птенцомъ, молится, накрывъ епитрахилью голову духовнаго сына. Онъ въ величайшемъ молитвенномъ напряженіи; изъ устъ его, при глубокихъ вздоханіяхъ, несется молитва Святому Духу о духовномъ обновленіи чловѣка. Быстро дѣлаемыми крестными знаменіями онъ отгоняетъ отъ кающагося духовъ-искусителей: и снова призваніе Святаго Духа. Я вижу его, пригнувшагося къ престолу въ сосредоточенной молитвѣ. Тѣло его вздрагиваетъ, руки сжимаются отъ внутренняго напряженія. Вижу склонившаго съдую голову надъ жертвенникомъ и съ силою произносящаго имена помимаемыхъ живыхъ и умершихъ, за каждаго изъ котораго онъ вынимаетъ отдѣльную часть изъ просфоръ, съ которыхъ снята почти уже вся вѣшняя оболочка на дискосъ маленькими тругольничками. Я вижу его съ поднятою къ небу головой, съ Евангеліемъ въ рукахъ произносящаго первый возгласъ на литургіи: *Благословенно Царство*; вижу его въ царскихъ вратахъ, лицомъ къ толпѣ подходящихъ неспѣшно причащающихся, долго сосредоточенно молящагося надъ чашей о спасеніи каждаго, прежде чѣмъ опуститъ лжицу въ потиръ. Вижу его бодро и радостно читающимъ на солеѣ, что онъ дѣлалъ всегда, когда служилъ, вслухъ и наизусть молитвы послѣ причастія. И слышатся мнѣ съ такою любовью произносимыя имъ слова послѣдней молитвы: «Пресвятая Владычице Богородице, свѣте помраченныя моея души, надеждо, покрове, прибѣжице, утѣшеніе, радованіе мое». Вижу его ходящимъ велпчавою,

легкою походкой по храму съ кадилломъ въ рукахъ; вижу читающимъ акаѳистъ предъ Иверской иконой—точно въ лицо чувствуемой имъ здѣсь Царицѣ Небесной. И весь онъ вспомнится здѣсь въ подробностяхъ, всякая интонація голоса, всякое движеніе. А гдѣ же онъ самъ, или то, что осталось отъ него на землѣ?

Противъ амвона въ полу сдѣланы подземныя дверки, въ нихъ раскрывается ходъ книзу. Спустясь по лѣсенкѣ, вы входите въ склепъ. Родъ пещеры, уставленной иконами, устроенъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ погребенъ. Тамъ помѣщаются во время панихидъ служащіе и могутъ стоять еще нѣсколько человѣкъ. Въ скоромъ времени на этомъ мѣстѣ ляжетъ большое надгробіе изъ бѣлаго мрамора. На немъ будутъ вырѣзаны всѣ блаженства, на передней стѣнкѣ будетъ изображено въ краткихъ словахъ, кто былъ о. Алексій. Все это устроено по мысли и усердіемъ духовныхъ дѣтей о. Алексія, которыя теперь несутъ труды по поддержанію Успенскаго острова. Грустно, но не тоскливо въ этомъ мѣстѣ покоя великаго труженика Божьей нивы, и тихая отрада сходить на душу, когда думаешь о тѣхъ событіяхъ, которыя доказываютъ, что не остались тщетны предъ Богомъ подвиги о. Алексія.

Всюду, гдѣ сколько-нибудь близко принимаютъ къ сердцу вопросы духовной жизни, знали имя о. Алексія. Но, не знавшимъ его трудно съ перваго раза объяснить, въ чемъ именно заключалось его обаяніе. Живость, стремительность его вѣры, дошедшей до того, что онъ, открываемый этою вѣрою, какъ бы перелетѣлъ грани, отдѣляющія земное отъ небеснаго, что небесное для него какъ

бы перестало быть предметомъ вѣры, а стало осязательною дѣйствительностью—вотъ въ чемъ сила вліянія о. Алексія на его паству. Мы задыхаемся среди атмосферы міра. Обыденная жизнь съ ея прозой, съ ея положительностью душитъ насъ. Мы рвемся въ инія области, и счастливы будемъ, и благодарны будемъ тому человѣку, который насъ туда поведетъ. Но прежде всего этотъ путеводитель долженъ самъ близко знать ихъ. Не мертвая, немощная вѣра въ то, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть Богъ, Которому нужно молиться; не такая вѣра пастыря увлечетъ пасомыхъ.

Въ о. Алексія вы чувствовали, что онъ какъ бы видитъ тотъ міръ надземный, къ которому онъ звалъ и старался приблизить васъ.

Онъ вѣрилъ, когда кадилъ по церкви, что ладонь—даръ Богу отъ молящагося съ нимъ народа, и трепетно приносилъ этотъ даръ, и всѣ присутствовавшіе переживали что-то серьезное, важное при этомъ обрядѣ. Онъ крѣпче, чѣмъ въ чемъ-нибудь очевидномъ виѣшнемъ, былъ увѣренъ, когда вынималъ части изъ просфоръ, что эти части знаменуютъ души людей, — за которыхъ приносятся, что, когда эти части погружаются въ пречистую кровь Христову, души эти невидимымъ дѣйствіемъ благодати соприкоснутся съ неприступнымъ Божествомъ. И понятно, почему, вѣря въ это таинственное воздѣйствіе, онъ съ такимъ трепетомъ предстоялъ у жертвенника, поминая усопшихъ и живыхъ. Онъ вѣрилъ, когда молился, когда служилъ, что Христосъ, Богоматерь и святые смотрятъ на него, что они только и ждутъ молитвъ людскихъ — ждутъ, чтобъ откликнуться и дать сердцу вѣсть о томъ. И вотъ, эта безусловность вѣры о. Алексія вліяла, захватывала въ свою власть и духовныхъ дѣтей его, какъ всякое

сильное чувство. И въ этомъ «приложеніи» ихъ вѣры, до того слабой, сбивчивой, немощной, теперь торжествующей, цѣльной, некрушимою, въ этомъ цѣлительномъ какъ бы зараженіи духовныхъ дѣтей младенчески ясной вѣрою духовника и заключалась одна изъ главныхъ сторонъ дѣятельности о. Алексія. Живая вѣрующая душа о. Алексія чувствовалась вами во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и возбуждала и вашу дремлющую вѣру. И какъ умѣлъ онъ влагать въ своихъ духовныхъ дѣтей эту вѣру! Онъ, напр., имѣлъ особенное усердіе къ Казанской иконѣ Богоматери. Когда, бывало, онъ выслушивалъ рассказы о разныхъ невзгодахъ пришедшихъ къ нему за совѣтомъ и за благословеніемъ людей, съ устъ его то и дѣло слетали въ отвѣтъ короткія слова: «Идите въ Казанскій соборъ, въ Казанскій соборъ!» И многія изъ духовныхъ дѣтей, по вѣрѣ своей и его, вымаливали нужное имъ предъ этой великой святыней Петербурга.

«Молитесь неотступно — говорилъ о. Алексій — не ослабѣвая въ мольбѣ вашей, какъ еслибы вы воочію стояли предъ Ней. Ходите туда хоть всякій день, много дней, мѣсяць, пока не исполнится ваше прошеніе, говорите Ей: «Владычице, я отъ Тебя не отступлю, пока Ты не сотворишь по вѣрѣ моей. Я не отойду отъ Тебя, пока не услышишь, я не прекращу мольбы моей». И Она услышитъ такую неотступную, настойчивую молитву!»

Да, ради такого постоянства молитвы, какому училъ своихъ дѣтей о. Алексій, нѣкогда жена хананейская, получивъ сперва въ отвѣтъ на просьбу свою: «Не достоинъ отъяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ» и не отчаявшись послѣ этого жестокаго слова, но усиливъ свою мольбу, была услышана. Такая напряженность молитвы видна и въ другомъ современномъ пастырѣ,

о. Иоаннѣ Кронштадтскомъ. Эти отрывисто, нервно произносимыя слова, эти срывчатыя тѣлодвиженія, этотъ сверкающій взоръ: все это внѣшнія выраженія усиленной, пламенной молитвы. Когда говорятъ о силѣ неотступной деревенной молитвы, которой настойчиво училъ дѣтей своихъ о. Алексій, невольно вспоминается рассказъ извѣстнаго писателя К. Н. Леонтьева *) о бывшемъ съ нимъ необыкновенномъ событіи, — рассказъ, который въ передачѣ Леонтьева нельзя было слушать безъ трепета. Леонтьевъ пережилъ эпоху страднаго отрицанія отъ времени студенчества до зрѣлыхъ годовъ; онъ жаждалъ вѣры, но долго не могъ найти ее.

Однажды, живя на дачѣ въ окрестностяхъ Константинополя, гдѣ тогда свирѣпствовала холера, ночью онъ почувствовалъ ея признаки. Какъ человекъ, знавшій медицину, онъ не могъ ошибаться. Страшный трепетъ овладѣлъ имъ. Умереть такъ рано, вдали отъ родины, но главное, умереть и въ общенія съ Богомъ, съ несмытымъ грузомъ грѣховъ многихъ лѣтъ на совѣсти! Хотя онъ былъ невѣрующій, онъ очень дорожилъ семейной иконою Богоматери, которую всегда возилъ съ собой. И теперь эта икона стояла у него на столѣ. Въ такую страшную минуту жизни сердце его открылось для вѣры. Икона, какъ символъ той благой силы, которая одна можетъ спасти его, привлекла его вниманіе, и онъ помолился. Но какъ помолился этотъ своеобразный человекъ? Въ отчаяніи и тоскѣ, онъ закричалъ: «Ты видишь: рано мнѣ умирать. Рано! Спаси меня». Но искрени была эта странная молитва — и была услышана. Въ ту же ночь онъ выздоровѣлъ, вскорѣ отпра-

*) Авторъ книги „Востокъ, Россія и славянство“.

вился на Аеонъ—и заставилъ себя найти вѣру...

Странное, болѣзненное чувство испытываешь теперь на Успенскомъ островѣ безъ отца Алексія, и невольно на всякомъ шагу задаешься вопросомъ, что будетъ съ островомъ. Я десять лѣтъ знаю островъ, обстраивавшійся и украшавшійся на моихъ глазахъ. Большею частью приходилось посѣщать его осенью. Бывало, темною ночью подойдешь къ окну церкви, изъ котораго видна освѣщенная неугасимыми лампадами Иверская икона, и долго стоишь, вглядываясь сквозь стекло въ торжественный мракъ церкви, и думаешь, что можетъ быть, вдругъ надъ могилой Анны Ивановны покажется ея молящаяся фигура. Зайдешь иногда послѣ обѣдни или всенощной на минуту къ о. Алексію—и останешься нѣсколько часовъ, и течетъ—течетъ его вдохновенная бесѣда, необыкновенная, раскрывающая новые горизонты, зовущая въ близкое ему царство духа. Тоже встрѣтишь его гдѣнибудь на островѣ, задашь какойнибудь вопросъ изъ области религіи—и опять польются съ его языка неистощимыя сокровища богословствующаго ума, великой пастырской опытности. И такъ странно—странно было въ канунъ Успенія не видать его служащимъ. Казалось, что, вотъ, онъ сейчасъ войдетъ и все въ церкви оживится, и бодро и радостно замолятся тоскующіе безъ него. Грустно пропелъ праздникъ. Горько плакали, цѣлыми струями слезъ, постоянные жители островка. И всѣ здѣсь только и живутъ его памятуя, только и говорятъ о немъ. Пещера внутри земли подъ поломъ церкви, кажется, есть средоточіе и опорный пунктъ острова и его будущности. И изъ этихъ разсказовъ все величавѣе вырисовывается образъ почившаго.

Сколько трудовъ понесъ онъ, какою страдою была вся жизнь его. Дѣтство, проведенное въ бѣдности. «Бывало, лѣтомъ, вспоминалъ онъ, босые пойдемъ съ братомъ въ лѣсъ, наберемъ грибовъ, и съ торжествомъ вернемся домой, и сдѣлаютъ изъ этихъ грибовъ три кушанья: похлебку, грибы вареные, грибы жареные—вотъ и весь обѣдъ». Отца своего о. Алексій потерялъ подросткомъ. Онъ былъ священникомъ села Прусни, гдѣ преемственно нѣсколько поколѣній Колоколовыхъ священствовали, отличался благоговѣйнымъ и усерднымъ служеніемъ. Разныя невгоды довели его до чахотки. Онъ служилъ до послѣдней возможности. Чувствуя близость кончины, онъ по бѣдности все же былъ вынужденъ отказаться отъ свиданія съ сыновьями, учившимися въ Петербургѣ, и написалъ имъ, что не можетъ ничего послать имъ на дорогу домой къ пасхальнымъ каникуламъ, и потому просить ихъ не прѣзжать. Къ вербному воскресенью онъ до того ослабѣлъ, что за всенощной раздавалъ вербу, сидя въ креслѣ. На страстной недѣлѣ онъ, уже близкій къ послѣднему издыханію, сказалъ: «А хорошо бы, еслибъ дѣти-то здѣсь были!» Въ это самое время оба его сына подходили къ дому. Они рѣшили идти домой пѣшкомъ, и такъ имъ удалось принять отъ отца благословеніе. На страстной о. Петръ умеръ.

Конечно, этотъ же опытъ бѣдности, перенесенный въ пору столь большой впечатлительности, не мало повліялъ на развитіе въ о. Алексіи чувства состраданія къ нуждающимся. Послѣ смерти всегда ужъ приходилось ходить домой пѣшкомъ. Батюшка вспоминалъ, что однажды, идя съ Пасхи домой, они стали втупикъ предъ широко разлившимся ручьемъ, и ихъ выручилъ изъ бѣды мужикъ, перенесшій ихъ на себѣ, самъ идя въ водѣ выше пояса. Обѣ

этомъ мужикѣ о. Алексій молился всю жизнь.

Потомъ—Хотово, жизнь полная такихъ подвиговъ, что они кажутся неимоверными. Очень часто, чтобъ не сказать постоянно,—случалось, что, уйдя въ церковь въ пятницу раннимъ утромъ къ заутрени, онъ выходилъ изъ церкви лишь въ понедѣльникъ послѣ обѣдни. Въ эту пору извѣстность этого священника отдаленнаго прихода, до котораго и добраться было трудно по малопробѣжимъ дорогамъ—была, можетъ быть, еще больше, чѣмъ въ Петербургскій періодъ жизни о. Алексія. То и дѣло къ Хотову сповали тройки, подвозя богомольцевъ, становившихся все многочисленнѣе, несмотря на ужасныя условия помѣщенія въ тѣснотѣ избѣ, на отсутствіе сноснаго продовольствія. Въ подробномъ жизнеописаніи о. Алексія, которое, конечно, не замедлитъ появиться, будутъ, вѣроятно, съ достаточною полнотью переданы всѣ интересныя подробности этой поры его жизни.

Одной изъ главныхъ сторонъ его дѣятельности была борьба противъ духовъ тьмы. Много «одержимыхъ» стекалось въ Хотово, и тамъ происходили изумительныя вещи.

Много бы можно рассказать объ отношеніи о. Алексія къ міру духовъ. Но это покажется мало понятнымъ, сомнительнымъ. Мы такъ оплотнѣли, что намъ кажутся странны люди, видящіе незримое, безтѣлесныхъ существъ, между тѣмъ какъ мы отокружены и добрыми и злыми дѣйствующими на насъ.

Люди опытные въ духовной жизни утверждаютъ, что даръ различія духовъ былъ однимъ изъ главныхъ даровъ о. Алексія. Входя въ комнату, онъ чувствовалъ духовную ея атмосферу, пережитія въ ней настроенія, какъ чувствовалъ настроеніе и харак-

теръ подходившихъ къ нему впервые людей.

Кромѣ постоянныхъ трудовъ въ церкви, работалъ о. Алексій и тѣлесно: строгалъ, пилилъ. Когда сталъ строить вмѣсто сгорѣвшей церкви большой каменный храмъ, онъ по ночамъ подносилъ кирпичъ къ мѣсту стройки. Уже тогда онъ все, что у него было, раздавалъ народу. Указываютъ мнѣ на Успенскомъ островѣ богадѣику, знавшую давно о. Алексія.

— «Что вы еще въ Хотовѣ его знали?»

— «Въ Хотовѣ. Сапоги ему иголкой разъ чинила. Хорошіе-то онъ страннику одному отдалъ, а самъ въ худыхъ остался».

Съ переходомъ въ Петербургъ служеніе его крестьянамъ не кончилось, Успенскій островъ сталъ какъ бы главною артерію, по которой текли крестьянамъ его благодѣянія. Идетъ около Прусыни пожилой крестьянинъ. Спросилъ я его про отца Алексія.

— «Какъ его не помнить, благодѣтеля нашего! Другого такого человѣка не najтъ. Какая церковь теперь у насъ: словно солнце въ ней играетъ. Во-что ему стала! Пока жель былъ, Бога за него молили, а теперь поминать должны. Никому ни въ чемъ отказать не было: кому лошадь, кому овцу, кому хлѣба. Вотъ какъ-то разъ урожай былъ плохъ, и привезъ онъ для раздачи 800 мѣшковъ муки, кладите по 6 рублей мѣшокъ. Приѣхалъ въ ту пору на островъ мой зять, да и подожди къ батюшкѣ, онъ его спросилъ, кто онъ такой.— «Какъ же, говоритъ, я твоего отца довольно зналъ, благодѣтельный былъ человѣкъ, на клиросѣ у насъ ставалъ. Дать, говоритъ, ему мѣшокъ». А зять мой и просить не смѣлъ.

«А было еще, приходитъ къ нему староста одной деревни, куда хлѣба батюшка далъ, и спроси его батюшка,

довольны ли мужички. А староста въ отвѣтъ:

— Которые получили, тѣ благодарять. А которые не получили, такъ бранять. Не прикажете ли у получившихъ отобрать часть и другимъ роздать.

— Нѣтъ, говорить батюшка, пусть у тѣхъ сполна остается. А этимъ я еще куплю»...

Можно сказать, что при переѣздѣ въ Петербургъ духовные дары о. Алексія стали дѣйствовать скрытѣе. Очень многіе единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ часто отвѣчалъ на вопросы лицъ, прежде чѣмъ они были высказаны. Окруженный многими людьми, онъ вставлялъ иногда въ общій разговоръ фразу, которая служила прямымъ отвѣтомъ на мысль одного изъ присутствовавшихъ, и никто, кромѣ этого лица, и не замѣчалъ того. Одно лицо, занимавшееся въ высшемъ художественномъ заведеніи, недовольное своимъ руководителемъ, и желая обратиться къ другому, пришло къ о. Алексію за совѣтомъ. Былъ праздникъ, и послѣ обѣдни у о. Алексія было много народа. Говорить подробно не было надежды. О. Алексій первый спросилъ:

— «Ну, съ какимъ дѣломъ вы пришли?»

— «Да вотъ хочу перейти къ другому руководителю; только не знаю, хорошо ли это».

Дѣло заключалось въ томъ, что тогдашній руководитель, какъ человѣкъ не талантливый, не могъ принести большой пользы, а тотъ, который имѣлся въ виду, умѣлъ прекрасно развить всякое дарованіе. Батюшка, конечно, не зналъ ничего о томъ; раньше не было ни малѣйшаго о томъ разговора, имена профессоровъ не были названы. Тѣмъ не менѣе прежде, чѣмъ ему были объяснены эти обстоятельства, онъ твердо сказалъ: «Непремѣнно перемѣните руко-

водителя. Тутъ вы ничему не научитесь. А тотъ талантливъ. Да поскорѣе сдѣлайте это, а то вашу очередь займутъ». — Дѣйствительно, у того профессора было столько желающихъ, что еле пришлось устроиться съ нимъ.

Одного духовнаго сына батюшки сильно смущало сказанное этому человеку наединѣ слово. Онъ пошелъ къ батюшкѣ, но засталъ его въ многолюдствѣ и, посидѣвъ нѣкоторое время, собрался уходить, опечаленный, что не удастся поговорить съ о. Алексіемъ о своемъ душевномъ состояніи. Когда онъ прощался, батюшка вдругъ выразительно, но незамѣтно, говоритъ ему: «А надъ этимъ не останавливайтесь. Будьте выше этого».

Вообще, со смертью о. Алексія, яснѣе становится, какое великое сокровище имѣлъ въ немъ Петербургъ и какъ мало сравнительно этимъ сокровищемъ пользовались. Пастырскій опытъ его былъ столь громаденъ и разностороненъ; всѣ взгляды его были приведены въ такую стройную систему; онъ былъ настолько незамѣнимъ, какъ преподаватель и учитель общенія земныхъ христіанъ съ торжествующею на небѣ церковью, что совѣты его могли бы быть драгоценны для духовенства, особенно же священниковъ. Какого оживленія духовной жизни въ молодежи можно бы было ожидать, еслибы о. Алексій былъ ихъ духовникомъ. Въ наше время многіе рвутся къ вѣрѣ, рвутся, искалѣченные раньше чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ отрицательными ученіями. Въ наше время для молодежи, для возвращенія ея въ церковь, нужны болѣе чѣмъ когда-нибудь люди горячаго сердца и великой вѣры, какимъ былъ о. Алексій.

Широта взглядовъ о. Алексія, его пылкость, его покоряющая задушевность, тактичность, умѣніе приоровиться къ пониманію собесѣдника: все ручалось за

неизбѣжный успѣхъ его въ дѣлѣ воздѣйствія на молодежь, еслибы онъ имѣлъ возможность такого воздѣйствія. Если иногда непонятна обрядовая сторона православія не нравится молодежи, то какъ глубоко и вдохновенно о Алексѣй умѣлъ раскрыть глубокой, таинственный смыслъ обряда, оживить и одухотворить въ глазахъ собесѣдника казавшійся ему раньше какъ будто лишнимъ обрядъ.

— «О чемъ молиться, спрашивали его, когда мнѣ не о чемъ молиться? Иногда мнѣ просто радостно, весело стоять въ храмѣ, ничего не прося, а лишь чувствуя славу Божию. Есть ли то молитва?»

— «Это и есть самая чистая молитва. Что такое молитва? Возношеніе души къ Богу: чувствовать, что Онъ существуетъ, что Онъ все для насъ, радоваться Имъ: вотъ молитва, и этой молитвой можно молиться непрестанно, потому что въ какое же время жизни вѣрующій забудетъ, что есть Богъ, и что онъ всѣмъ Богу обязанъ?»

— «Батюшка, говорила ему одна духовная дочь, которую съ утра до вечера тревожатъ всякими дѣлами по благотворительности, къ вечеру я такъ устаю, что иногда помолиться на ночь нѣтъ силъ. Какъ быть?»

— «Ну, кладите въ такихъ случаяхъ три поклона, пожалуйста, хоть три поклона», сказалъ батюшка мягкимъ просящимъ голосомъ, точно прося о личномъ одолженіи.

Предсмертная болѣзнь о Алексѣя произошла по ревности его въ исполненіи пастырскаго долга: онъ простудился, провоякая тѣло умершей своей духовной дочери. Какъ ни тяжела была болѣзнь, никто не думалъ о концѣ. Когда къ больному привезли столь чтимую имъ Казанскую икону, онъ горячо молился, слышны были слова его:

— Владычице, подыми меня!

Несомнѣнно, его беспокоила мысль о томъ, что судьба Успенскаго острова останется необезпеченной. Но въ ночь передъ кончиной онъ сказалъ: «видно надо готовиться!» и потребовалъ священника. Тогда же онъ сѣлъ на постель и сталъ говорить послѣднюю волю. Говорилъ, что у него никогда не было ничего лично своего, и все, что есть— дано ему его духовными дѣтми для дѣлъ благотворенія и принадлежить бѣднымъ. Надѣясь, что духовныя дѣти не оставятъ его завѣтнаго дѣла— Успенскаго острова, онъ однимъ словомъ, повторяемымъ имъ чрезъ силу двѣнадцать разъ— словомъ. «Пожалуйста!» съ мольбой въ глазахъ— просилъ ихъ объ Успенскомъ островѣ. Сказалъ затѣмъ, что онъ ни на кого не имѣетъ злобы, у всѣхъ проситъ прощенія и самъ всѣхъ прощаетъ и разрѣшаетъ. Къ сожалѣнію, окружающіе убѣдили его лечь, прежде чѣмъ онъ договорилъ. Послѣднею его заботою было наградить іеромонаха, вызваннаго, чтобъ приобщить его.

Весьма утѣшительно слышать о нѣкоторыхъ необыкновенныхъ событіяхъ, бывшихъ по смерти о. Алексія.

Ходилъ къ батюшкѣ одинъ молодой человѣкъ, который просилъ устроить его въ монастырь. Батюшка собирался поговорить о немъ съ лаврскимъ начальствомъ, но все не успѣвалъ. За послѣднее время это тяготило его, и онъ часто вспоминалъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, уже подавшемъ прощеніе въ лавру, и говорилъ: «Надо, надо ему помочь. Надо его устроить». Ни онъ, ни мать его не знали о болѣзни батюшки, и не читали газетъ. Въ ночь смерти батюшки мать видѣла батюшку во снѣ, и онъ говоритъ, что ея сынъ устроенъ и чтобъ она не беспокоилась. На слѣдующій день припла изъ лавры бумага, извѣщавшая о принятіи его. Идя въ одинъ изъ

слѣдующихъ дней по Невскому, этотъ молодой человѣкъ видѣть погребальное шествіе, сопровождаемое множествомъ народа. Онъ остановился спросить, кого хоронятъ. Ему отвѣчали, что о. Алексія.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ бытность мою на Успенскомъ островѣ, пришла семья священника одного изъ сосѣднихъ приходоѡ, чтобъ отслужить панихиду на могилѣ о. Алексія. Оказалось, что жена священника была больна и видѣла во снѣ о. Алексія, который благословилъ ее, сказалъ ей, что она будетъ здорова, и чтобъ она пошла отслужить по немъ панихиду.

Во всемъ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего необыкновеннаго. Такія явленія столь понятны, особенно относительно о. Алексія, который такъ много говорилъ объ общеніи душъ, и между живыми, и между живыми и отшедшими. Онъ говорилъ, напримѣръ, что, сосредоточивъ съ силою мысль на комъ нибудь, мы тѣмъ самымъ можемъ заставить то лицо вспомнить и думать о насъ, хотя бы оно находилось за тысячи верстъ.

Въ удачѣ сельскихъ работъ на угодьяхъ, принадлежащихъ Успенскому острову, нельзя не видѣть дѣйствія молитвы о. Алексія. Огородъ на «большомъ островѣ» далъ необыкновенный урожай капусты самаго высокаго качества. Несмотря на страшно дождливое лѣто, сѣно убрали прекрасно. Прекрасно и обсыялись. Въ тотъ день, какъ сѣяли озимое для будущаго года, предъ самымъ началомъ сѣва надъ полемъ показалась темная туча, на которую рабочіе смотрѣли съ досадой. Вдругъ тучу разорвало на двое, и быстро понесло въ двѣ противополож-

ныя стороны. Подивился тутъ народъ, и послышались тутъ голоса: «Это ба-тюшкиною заботой!»

Вотъ, между прочимъ, одна изъ сторонъ характера о. Алексія. Онъ очень любилъ кормить голубей и разбрасывалъ имъ кормъ пригоршнями изъ ведра или большой чашки. Есть фотографія: громадная стая голубей покрыла площадку, посреди которой въ бѣломъ подрясникѣ стоитъ о. Алексій, поддерживая одной рукой ведро, а другой разбрасывая кормъ. Онъ любилъ птицъ, а въ голубѣ почиталъ эмблему Духа Святаго. Въ оправданіе своей привязанности къ голубямъ онъ рассказывалъ, что одинъ крестьянинъ въ деревнѣ прикармливалъ голубей, а другіе ихъ отпугивали отъ себя. Случилась засуха, и поля погибали, только надъ нивой добраго крестьянина, друга голубей — нѣтъ нѣтъ да появлялась тучка и орошала урожай, не проливая ни капли внѣ его межи.

Пишущій эти строки сознаетъ, что кое-что въ настоящемъ очеркѣ можетъ возбудить сомнѣніе въ людяхъ положительнаго склада. Но здѣсь нѣтъ ни его вины, ни искаженія событій: что дѣлать, если жизнь — и слава за то Богу — куда шире тѣхъ рамокъ, въ которыя мы думаемъ втиснуть ее. Что дѣлать, если и вокругъ о. Алексія и совершались, и продолжаютъ совершаться такія необыкновенныя событія, которыя нѣкоторые назовутъ благодѣтельной легендой, но которыя окружаютъ всякаго мощно духомъ живущаго человѣка.

Что, въ сущности, представляет собою Успенскій островъ, это любимое дѣтище о. Алексія?

Успенскій островъ расположенъ посреди рѣки Волхова, въ Новоладожскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи, и во время дѣтства о. Алексія представлялъ собою пустынное, поросшее лѣсомъ, пространство. Хранится преданіе, что иногда окрестные жители видали на немъ странные огни, что случалось въ Россіи весьма часто на мѣстахъ, гдѣ возникали впоследствии учрежденія, посвященныя Богу.

Этотъ островъ впоследствии былъ приобрѣтенъ покупкою о. Алексіемъ. Поставлены первоначально небольшой домъ, и при немъ небольшая церковь. Мало-по-малу здѣсь стала развиваться благотворительная дѣятельность о. Алексія. Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ увеличеніемъ этой дѣятельности. На обширныя зданія, на немъ воздвигавшіяся, и на содержаніе призрѣваемыхъ уходили весьма значительныя суммы: по многу десятковъ тысячъ ежегодно. И, если о. Алексій и оставилъ островъ необезпеченнымъ: онъ оставилъ его вполне благоустроеннымъ и въ почти совершенно завершенномъ видѣ (кромѣ дома для сестеръ милосердія). Островъ протянулся вдоль рѣки длинною полосой, поверхностью въ 3 десятины, и тамъ, гдѣ не застроены, представляет собою цвѣтущую садъ, засаженный преимущественно хвойными деревьями и березой. Берега его отъ размыва весьма бурными здѣсь весенними водами укрѣплены по особой системѣ, что стоило многихъ денегъ.

Главное зданіе острова—«большой

домъ», соединенный съ церковью. Здѣсь жилъ о. Алексій и помѣщались приѣзжавшія къ нему его духовныя бѣди. Громадная длинная столовая съ безконечнымъ столомъ собирала многочисленное всегда общество, и невольно сердце сжимается, глядя на опустѣвшій диванъ, во главѣ стола, гдѣ сидѣлъ батюшка. Въ полугодовой день кончины его на этомъ диванѣ былъ поставленъ въ вѣнкѣ, портретъ его, который всегда будетъ напоминать о радужномъ хозяйнѣ.

На противоположной сторонѣ острова стоитъ прекрасное и обширное деревянное зданіе, съ бездною свѣта, назначенное для приѣмнаго покоя и больницы. Затѣмъ, въ линію съ нимъ, приближаясь къ большому дому, идутъ большое зданіе богадѣльни, гдѣ призрѣвается свыше 60 старицъ и нѣскольکو стариковъ; пріютъ для дѣвочекъ, гдѣ содержатся и обучаются рукодѣлю и всему нужному въ обязанностяхъ прислуги, домъ для духовенства, домъ для сестеръ милосердія. На островѣ предусмотрительный и хозяйственный о. Алексій устроилъ все нужное для поддержанія столькихъ зданій и для удобства живущихъ: малярную, хлѣбную, баню, большую прачешную. Кромѣ собственно призрѣваемыхъ, на островѣ жили всегда и теперь живутъ лица, поселившіяся тутъ для тихой жизни и службъ церковныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ жили на свои средства въ особо выстроенныхъ для нихъ домахъ, какъ покойная Н. А. Шабельская, схороненная въ церкви Успенскаго острова съ двумя дочерьми, А. И. Скворцовой и княгиней Путятиной; другія жили на полномъ иждивеніи батюшки, какъ бы въ

монастырѣ, не принимая монашескихъ обѣтовъ.

Церковныя службы составляютъ одно изъ главныхъ достоинствъ островка. Благоговѣніе священниковъ и дьякона (на Успенскомъ островѣ два священника), при ежедневной литургіи и ежедневной всенощной, отчетливое чтеніе причетниковъ, стройное пѣніе, много горящихъ лампадъ: все въ Успенской церкви, запечатлѣнной изящнымъ вкусомъ и искреннимъ вдохновеніемъ о. Алексія, благодатно настраиваетъ душу.

Противъ острова лежитъ образумый соединеніемъ Волхова со впадающею въ него рѣчкой Прусью узкій мысокъ, такъ называемая «стрѣлка», принадлежащій къ острову. Здѣсь выстроены кирпичный заводъ для выдѣлки своего кирпича, вѣтренная, прекрасно поставленная мельница, казарма для рабочихъ. Островку принадлежитъ еще лѣсная дача Новоселокъ *), изъ земель государственныхъ имуществъ выдѣленная о. Алексію по Высочайшему повелѣнію. Дача эта расположена на берегу Волхова въ 2 верстахъ отъ островка. Здѣсь о. Алексій желалъ, между прочимъ, устроить кладбище для покойниковъ-островитянъ. Наконецъ, есть еще замѣчательное владѣніе: противъ большого селенія Гостинопольская пристань—въ 12 верстахъ отъ Успенскаго—Вындинъ (въ престоірѣчій) или Антоніевъ островъ. Вмѣстѣ съ Новоселкомъ это составляетъ до 400 десятинъ. На Антоніевомъ островѣ, называемомъ жителями Успенскаго «большимъ», по

преданію останавливался преподобный Антоній Римлянинъ во время чудснаго своего плаванія изъ Итали въ Новгородъ. Здѣсь обширное молочное хозяйство, луга, огороды, лѣсъ. Все въ томъ же порядкѣ, какъ и на Успенскомъ островѣ. О. Алексій хотѣлъ завести здѣсь сельско-хозяйственную школу, что было бы большимъ благодѣяніемъ для окружной мѣстности.

Широки и свѣтлы были мечты, одушевлявшія о. Алексія. Повидимому, онъ задался цѣлью дѣятельностью острова оздоровить всю округу. Сколько свѣтлыхъ впечатлѣній прекрасное совершеніе службы на островѣ, вся его церковность, его звучный колоколь дали крестьянству! Какъ воспитывается его вкусъ на тѣхъ прекрасныхъ цвѣтникахъ, которые тамъ разбиты; какой урокъ милосердія даетъ видъ собирающихся въ церкви призрѣваемыхъ здѣсь стариковъ, старухъ и дѣтей, бобылей и сиротъ все болѣе изъ ближнихъ деревень.

26 августа, идя гулять и ожидая перевозчика, я былъ удивленъ многочисленностью женщинъ разнаго возраста, веселыхъ, пріодѣтыхъ, съ громкимъ говоромъ, шедшихъ отъ церкви къ перевозу.

— Ты Наталья? спрашивалъ я многихъ, и въ отвѣтъ все слышалось: «Наталья, Наталья!

— А ты тоже Наталья?

— Ничту, отвѣчала одна мѣстнымъ говоромъ,—Анна, а бабка моя Наталья была—помянуть приходила.

— Какъ радовался батюшка, сказало мнѣ тутъ одно лицо, близко знавшее о. Алексія, что теперь крестьяне всегда могутъ въ дни именинъ быть у обѣдн.

*) Называвшаяся Алешина дача и переименованная о. Алексіемъ.

Думая о крестьянствѣ той мѣстности, гдѣ онъ родился, думалъ о Алексѣй и о всѣхъ, съ кѣмъ сводила его судьба, и Успенскій островъ часто былъ орудіемъ въ его добрыхъ дѣлахъ. Такъ, нѣсколько лѣтъ сподрядъ онъ безплатно содержалъ сиротъ-учениковъ Петербургскаго духовнаго училища, прекрасно кормилъ ихъ, даже выстроилъ имъ прошлое лѣто отдѣльную дачу на концѣ острова, и радовался, думая, какъ имъ будетъ тамъ хорошо.

Какова судьба этого завѣтнаго уголка? Какъ сказано было выше, оставляя все дѣло Успенскаго острова въ блестящемъ устройствѣ, о. Алексѣй оставилъ его необезпеченнымъ, и даже съ долгомъ. Но неужели пропадать такому дѣлу, въ которое вложено столько энергіи, труда, вѣры!—Вѣдь однѣ зданія и земля представляютъ цѣнность не менѣе милліона. Это дѣло находить горячее сочувствіе во многихъ значительныхъ людяхъ. Въ лицѣ преданной духовной дочери о. Алексѣя, М. В. Бельгардъ, островъ нашель умѣлую, бодрую распорядительницу, отдавшую этому дѣлу, съ искренностью и ревностью русской женщины, всѣ свои силы. Быть можетъ, будетъ создано братство въ память о. Алексѣя, которое и зацѣлитъ цѣлью поддержки Успенскаго острова. Но пока... пока нужны деньги и деньги! Въ Казанскомъ соборѣ постоянно производится сборъ въ пользу острова. Но какъ бы благовременна

была щедрая помощь богатыхъ людей на это благое и христіанское дѣло!

И вотъ, опять шумятъ колеса парохода, плещутъ холодныя волны Волхова, и я бросаю прощальный взглядъ на Успенскій островъ, который сейчасъ за заворотомъ скроется отъ моихъ глазъ. Прости, дорогая могила наставника и пастыря нашего! И да воздастъ ему Господь за все добро его: и за вещественную милостыню его обездолненнымъ, и за духовную милостыню, которою онъ щедро надѣлялъ своихъ духовныхъ дѣтей. Отъ нихъ вѣчная память и хвала о. Алексѣю за то, что онъ далъ имъ столько вѣрованій и упованій; что онъ ихъ, дѣтей земли, вводилъ въ чудный міръ небесный; за то, что онъ научилъ, какъ близь, какъ доступенъ этотъ міръ, и что, приближая къ этому міру свою паству, онъ и земную ихъ жизнь просвѣтлялъ и дѣлалъ желаннымъ для нихъ и легкимъ тотъ неизбежный переходъ, страшный, роковой для однихъ и радостно ожидаемый тѣмъ, кто совершаетъ свой путь подъ благодатью, какою церковь Христова осѣняетъ жизнь, смерть и будущность своихъ дѣтей. А Ты, видѣвшій труды, какими трудился онъ во славу Твою, Боже, въ похвалу Пречистой Матери Твоей, укрѣпи и доверши великое дѣло его: сохрани и утверди Успенскій островъ.

Е. Поселянинъ.